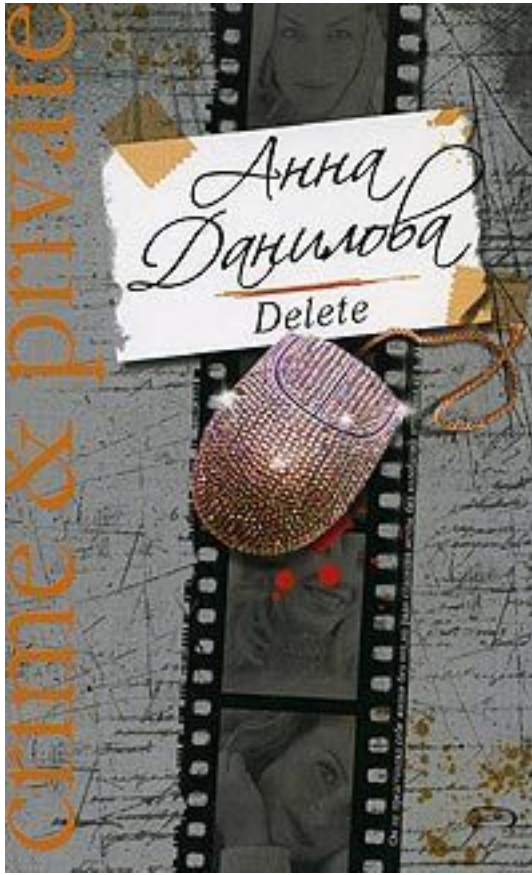

crime & private
Анна Данилова
Delete

Анна Данилова

Delete

Серия «Марк Садовников», книга 3

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183813
Delete: Эксмо; М.:; 2008
ISBN 978-5-699-27698-1

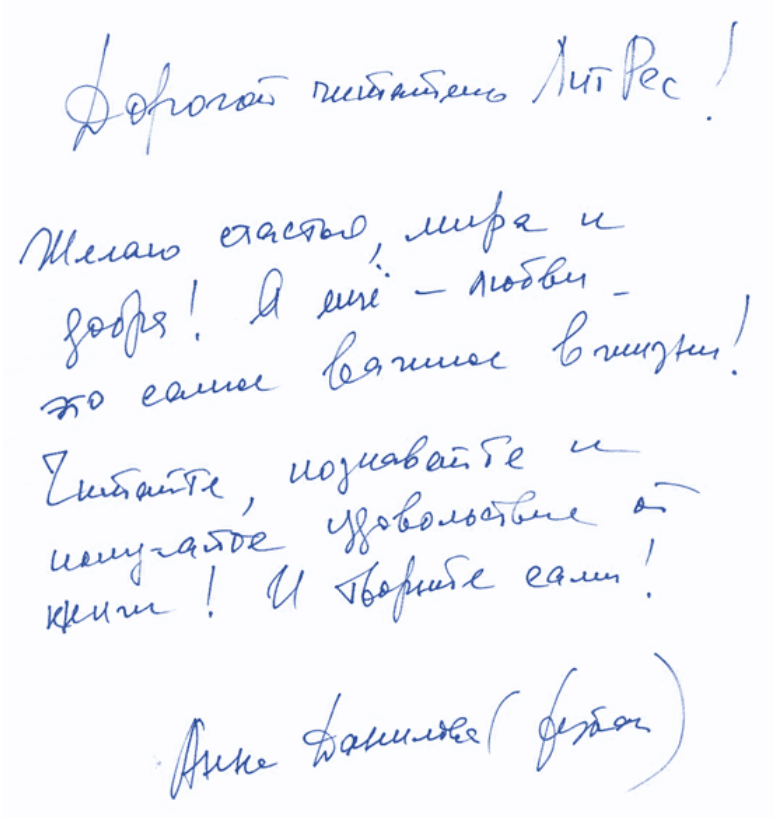
Аннотация

Мать талантливого юноши Алика Бона раздирают противоречивые чувства. Ликование – так как порочная девица, безраздельно владевшая сердцем ее дорогого мальчика, вытравлена из его жизни навсегда. И смятение, потому что тот, кто это сделал, не матерый убийца, не грабитель, не насильник. Скорее всего, обычный человек, обуреваемый ревностью. А у сына, безумно любившего задушенную красотку, был повод бесноваться из-за многочисленных «спонсоров» девушки и осознанно отомстить. К несчастью, Лариса Бон не одинока в своих подозрениях: следователь Марк Садовников думает так же…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 18
Глава 3 28
Глава 4 39
Глава 5 51
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Анна Данилова
Delete



Глава 1

В дверь звонили, но Рита, забравшись под одеяло, не собиралась никому открывать. Она слишком устала, чтобы принимать кого бы то ни было. Это не мама, не Ната и, конечно, не Марк, все они знают, что она сегодня ни для кого не доступна, все предупреждены… Ей надо хорошенько выспаться, чтобы завтра, в день ее свадьбы, выглядеть свежей и отдохнувшей. Кто бы мог подумать, что на подготовку свадебного ужина и прочие приятные вроде бы мелочи уйдет так много сил и нервов.

Но звонивший явно не собирался уходить. Рита уже чувствовала, что этот визит может быть связан с Марком, с его ужасной работой, а потому злилась и на себя – она не успела еще привыкнуть к тому, что ее жизнь теперь наполнится криминальными тенями, тянущимися из толстых папок, аккуратно сложенных в сейфе Марка Александровича Садовникова, ее жениха, следователя прокуратуры. Убийства, изнасилования, исчезновения людей и снова убийства… До встречи с Марком она и понятия не имела, что в городе совершается так много убийств.

«Я сейчас сама стану убийцей!»

Она встала, набросила вязаную кофту, доходившую ей до щиколоток, завернулась в нее, как в одеяло, и, тряхнув волосами, словно сбрасывая с себя остатки дремы, пошла от-

крывать. Или хотя бы посмотреть в глазок.

– Ба, Леня! – воскликнула она и сразу же поймала себя на том, что еще не так давно она радовалась вот так же, с таким же восклицанием встрече с Леней Переваловым… Но теперь его нет, он погиб. Сейчас она видела перед собой его тезку, и тоже ужасно обаятельного, Леню Масленникова. Вот уж кого она действительно не ожидала увидеть на пороге своей квартиры, так это его, Ленечку. Когда-то, несколько лет тому назад, он овдовел и сделал Рите предложение, но она его со смехом отвергла. Не смеяться было невозможно, потому что она никак не могла взять в толк, с какой стати он пришел с цветами и кольцом именно к ней, ведь у них и романа-то никакого не было. Так, встречались то у Перевалова, то у Вальки Нежного, ездили на Волгу на шашлыки, а однажды даже всей компанией отправились на машинах на море… Ну да, он был влюблен, но разве для замужества этого достаточно? А как же она? Ее чувства не в счет? Поэтому и расхохоталась прямо ему в лицо… Сначала Леня обиделся, долго не появлялся в ее мастерской, даже не звонил, но потом отошел, завел себе какую-то официанточку, успокоился, хотя потом так же быстро, говорят, с ней и расстался… И снова они с Ритой стали встречаться у общих знакомых, словно и не было букета, кольца и предложения руки и сердца.

И вот теперь он стоял перед ней, красивый сорокапятилетний холеный мужчина, во всем белом, роскошном, но выглядел почему-то невеселым, растерянным… Светлые воло-

сы его были растрепаны, а голубые глаза смотрели с надеждой. И Рита сразу же расстроилась. Она поняла, что он на этот раз пришел не к ней, а к Марку, что у него, видимо, случилась беда…

– Проходи, Ленечка. У тебя все в порядке? – спросила она, с трудом скрывая разочарование.

– Да… – как-то неуверенно ответил он и вошел, потянул носом воздух, закрыл глаза и покачал головой. – Я так давно не был у тебя, Рита… Этот запах красок, холстов… Ты работаешь или погрязла в бытовых делах? Говорят, ты сильно изменилась…

– Я работаю. Только позавчера продала два своих натюрморта, жаль, что ты их не увидел… Но у меня есть снимки… Хочешь посмотреть?

– Как-нибудь потом, хорошо? Ты не обижайся…

Влип, значит, во что-то, раз отказывается даже из вежливости посмотреть на ее работы. Не то, что прежде… Притащился, чтобы просить о помощи. Для начала скажет, что хочет познакомиться с Марком… Вот черт…

– Чаю? Кофе? – Тон ее стал холодным, она так и не смогла справиться со своим раздражением. И зачем только открыла дверь?

– Если можно, водочки…

Она удивилась. Неужели этот преуспевающий воротила, владелец многочисленных аптечных складов, чего-то боится? Именно страх она прочла сейчас в его глазах… И это

странное для него, любителя хорошего вина, желание выпить водочки…

– Рита, ты помнишь тот портрет Катюши, который ты писала… Она там прямо как живая… – Лицо его внезапно порозовело, хотя водку он выпить еще не успел. Рита поставила перед ним, нервно сидевшим на стуле в гостиной, тарелку с салатом, за водкой надо было идти на кухню.

С чего это он вспомнил про портрет? Она действительно несколько лет тому назад написала портрет его дочери – тогда ей было лет четырнадцать, – хорошенькой кудрявой девочки с огромными карими глазами и пышными русыми волосами. Сейчас ей, вероятно, девятнадцать… Это был заказ, и Рита была щедро вознаграждена за свою работу. Леня вообще любил делать широкие жесты, а тогда он просто осыпал ее деньгами… Но и портрет, надо сказать, удался. Катюша, залитая солнцем, сидела на веранде в нежно-лиловом шелковом платье за столом, накрытом белой скатертью, перед блюдом со сливами и была похожа на принцессу. Портрет так и назывался: «Девочка со сливами».

– А почему бы и нет?! Есть же портрет девочки с персиками… – заливался возбужденно, радостно счастливый отец, любуясь на жирно поблескивающий свежими чистыми красками огромный портрет любимой дочери. – Сливы так и хочется скушать, а про Катьку я вообще молчу, это просто шедевр… Рита, ты – гений!

Она и сама знала, что гений. Да только работу свою ей

было почему-то жаль отдавать. Катя Масленникова на самом деле смотрела с портрета как живая, настоящая…

– Я помню этот портрет, это одна из моих самых любимых работ, – сказала Рита спокойно, еще не зная, о чем будет идти речь, а потому заранее готовя себя к тому, что упоминание о портрете – лишь вступление перед настоящей серьезной просьбой, адресованной ее жениху, Марку Садовникову. – Надеюсь, ты не собираешься заказать мне свой собственный портрет?

Масленников как-то неопределенно пожал плечами, словно ему и в голову пока еще не приходила эта мысль. Хотя почему бы и нет?

– Рита, сядь и выслушай меня.

Когда она налила ему водки и пододвинула блюдце с нарезанной ломтиками семгой, он протянул руку и накрыл ею маленькую изящную кисть Риты. Словно поймал ее. И сжал.

– Ты ведь помнишь этот портрет, да?

– Леня, ну, конечно, я помню этот портрет. Но в чем дело? – она начала раздражаться.

– Кате было тогда тринадцать с половиной лет… Она была чудо как хороша… А платье? Ты помнишь ее платье? Какого оно было цвета?

– Темно-голубого, нет, скорее лилового. Шелковое красивое платье для красивой девочки… Оно очень шло ей…

– И румянец… ты помнишь? – Леня придвинулся к Рите и еще крепче сжал ее кисть. – Румянец во всю щеку…

нежная кожа словно влажная, блестит от чистоты… Нет, это слово не подходит… Кожа словно просвечивает… Прозрачная, нежнейшая… Розовая… Так?

– Послушай, да что с тобой? Почему ты вспомнил этот портрет?

– Да потому, – лицо Масленникова как-то вытянулось, побледнело, а рот его обмяк, – да потому, что сегодня утром я встал и увидел, что на портрете произошли изменения… Да-да, я не шучу… Платье на Кате черное, такой глубокий черный цвет, какой бывает у бархата, а лицо… Лицо повзрослевшее, но… оно не живое, понимаешь? Глаза закрыты, словно она – мертвая… Вот такие дела, Рита…

– Послушай, Леня. Или ты пьян и несешь чушь, или же у тебя не в порядке с мозгами… Я точно помню, что платье на Кате было лилового цвета и лицо – живее, что называется, всех живых… И не морочь мне голову! Я уже поняла, ты пришел ко мне потому, что от кого-то узнал, что я выхожу замуж… Быть может, ты решил просто потрепать мне нервы?

– Смотри сама… – Масленников с готовностью достал из кармана мобильный телефон и через некоторое время нашел нужный снимок. – Вот, час тому назад я снял этот портрет… Смотри, узнаешь?

Рита поднесла телефон поближе к глазам, чтобы получше рассмотреть снимок. Да, Леня был прав, это был действительно тот самый портрет… Но платье на девочке было чер-

ного цвета, а лицо… (Она увеличила снимок.) Лицо тоже изменилось. И глаза закрыты…

– Ты хочешь сказать, что в твое отсутствие кто-то покуражился над моей работой?

– Я тоже так подумал. Но уж больно хорошая работа! Чистая. И краска высохла. Не видно, чтобы что-то там грубо подмазывали, подправляли… Да и как можно подправить все лицо?

– Я хочу взглянуть на этот портрет… Немедленно! И, если увижу, что это на самом деле моя работа, над которой поглумился какой-то мазила, мы сможем обратиться в милицию… Вот только не понимаю, кому бы это могло понадобиться… А Катя? Она видела этот портрет?

– Да при чем здесь Катя? Ведь изменился сам портрет, а не Катя…

– Ты совсем заморочил мне голову. Но уж слишком все странно, чтобы не посмотреть… Подожди меня здесь, я быстро…

Она даже не позвонила Марку, не предупредила о том, куда едет, решила, что скоро вернется и все равно поспит, даже если будет уже вечер… Было бы странно позвонить Марку и сказать, что она отправляется в такой день («Умоляю вас всех, ради бога, не звоните мне, не приходите ко мне, мне надо выспаться и побыть наконец одной, я же замуж выхожу!») к несостоявшемуся жениху домой, чтобы взглянуть на изменившийся портрет… Произнесенная вслух последняя фраза

просто резала слух, но все равно не производила должного эффекта. Он бы все равно не понял…

А спустя час она, стоя раздетой (голой!) в квартире Леонида Масленникова, в одних туфлях, дрожащая от холода и нервного озноба, под дулом пистолета пыталась отказаться надеть на себя свадебное платье. Белое, очень красивое платье, расшитое искусственным жемчугом и украшенное тонкими кружевами, было разложено на кровати и напоминало разметавшуюся во сне женщину.

– Зачем ты заставил меня раздеться догола? Зачем тебе мое белье? Куда ты его спрятал?!

– Я купил тебе новое. Поверни голову, и ты все увидишь…

Она медленно повернула голову и увидела перед собой, в который уже раз, портрет дочери Масленникова. Он не лгал, когда говорил, что на Кате черное платье, да и лицо выглядит повзрослевшим и неживым.

– Сколько ты заплатил, чтобы тебе это сделали? – глухо спросила она, давясь от злости. – Зачем ты морочишь мне голову?

– Я люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой. А портрет – это всего лишь уловка, чтобы ты сама захотела прийти ко мне в спальню… Заметь, ты и в машину села сама… Ну же, Рита, одевайся… Возьми с кресла белье, надень платье и туфли, через четверть часа регистрация…

– Да ты рехнулся, старый козел! Неужели ты думаешь, что я действительно надену это платье?

– А чем оно тебе не нравится?

«Такого не может быть… Не может!.. Почему я стою раздетая перед этим сумасшедшим? И как я могла поверить, что он выстрелит в меня, если я откажусь снять с себя одежду? Но раз я здесь и вся история придумана этим идиотом, чтобы заманить меня сюда, значит, он ненормален, следовательно, я должна его бояться… И, если бы я не разделась, он бы выстрелил в меня… А мне надо быть живой. Для Марка! Ведь у нас с ним завтра свадьба…»

– Рита, не стой, замерзнешь… Одевайся.

– Отвернись.

– Об этом можешь не просить…

Она взяла с кресла пакетик, достала оттуда бюстгальтер, быстро надела, поражаясь тому, что он пришелся ей впору. Потом – трусики, пояс, белые чулки… Леня не сводил с нее глаз.

– Леня, у меня муж – следователь прокуратуры. Он сделает из тебя фарш!

– Это из тебя он сделает фарш, когда узнает, что ты замужем и вышла замуж за день до вашей с ним свадьбы…

В спальню без стука вошла женщина и, не глядя на Риту, положила на столик красную лакированную папку, раскрыла ее:

– Распишитесь.

– Леня, что происходит?

– Эта женщина работает в ЗАГСе, неужели не понятно?

Расписывайся…

– Не буду.

– Тогда я застрелю вас обоих. У меня уже нет выхода.

– У тебя все равно нет выхода. То, что ты натворил, не пройдет для тебя бесследно. Тебя или посадят, или отправят на принудительное лечение… Пока не поздно отпусти меня, и я постараюсь все это забыть…

Он подошел к ней и приставил пистолет прямо к виску.

– Расписывайся!

– Неужели ты так любишь меня?

– Да, я именно *так* тебя люблю… Когда-то ты посмеялась надо мной, над моими искренними чувствами… Теперь – моя очередь…

– Предположим, я распишусь, что дальше?

– Ты становишься официально моей женой. И своему следователю ты уже не достанешься…

– Но это фиктивный брак…

– Главное, что я сорву твою свадьбу…

Она вдруг с легкостью подумала, что в конечном счете Марк ее простит и поймет, когда узнает, что с ней произошло… А Леня будет наказан. И жестоко. Да и кто такая эта тетка? Почему Рита должна верить, что она из ЗАГСа?

– Не сомневайся, все официально… Расписывайся, у меня кончается терпение…

Она подошла и расписалась. Поставила какую-то загогулину.

– Все? Теперь я свободна?

– Да. Абсолютно.

Женщина вышла из спальни, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Отдай мне мою одежду.

– Ты прекрасно одета. Вот так и иди к своему прокурору…

– К следователю…

Она выбежала из квартиры сумасшедшего Масленникова и бросилась прочь от его дома, остановила такси и добралась домой, когда уже стемнело. В окнах горел свет. Марк был дома. Она едва поднялась на ослабевших ногах к себе на этаж, толкнула дверь, она распахнулась, и Рита упала прямо в объятия Марка.

– Марк… Ты не представляешь себе, что со мной произошло…

Она что-то ему объясняла, кричала, с ней сделалась истерика, но Марк молча смотрел на нее и думал, казалось, о своем… Потом, словно очнувшись, спросил:

– Почему ты не предупредила меня, что вышла замуж?.. В ресторане закуплены все продукты, цветы, заказаны музыканты… Ты захотела выставить меня дураком? Чтобы все наши гости посмеялись надо мной?

– Марк, прости, прости меня, но кто знал, что так получится… Он обыкновенный сумасшедший…

– Кто-то звонит, я пойду открою…

– Не открывай, это, должно быть, он, у него пистолет, он

очень опасен! Марк, стой!

В дверь продолжали звонить…

…Рита подскочила на постели и судорожным движением вцепилась в одеяло. Она была вся мокрая от пота. Ее трясло. В дверь действительно звонили.

– Марк! – закричала она что было сил. – Марк!!!

Звонки продолжались. Она, полуголая, бросилась к двери. Если это Масленников, значит, она сошла с ума…

Но это была сестра Ната. Она буквально ввалилась в прихожую и упала на Риту. Лицо ее было белым, как мел.

– Ритка, я убила своего любовника!

– Этот сюжет уже был, если помнишь, с моей подругой Вероникой, придумай что-нибудь пооригинальнее…

– Это не сюжет, Рита, это жизнь… Я убила человека! Сама! Это не неизвестно как и кем убитый мужчина, а мой любовник… И убила я его хрустальным кувшином. Он лежит и не дышит.

– Кто? Кувшин? – усмехнулась Рита.

– Нет, говорю же! Любовник… Я даже пудреницу ко рту подносила… Зеркало не затуманивается… Понимаю, что тебе не до меня, ты завтра замуж выходишь…

– Ущипни меня… Ты мне тоже снишься?

– Если бы… – Ната вяло ущипнула Риту. – Ну как? Спишь? И ты тоже ущипни меня…

– Проходи, садись и рассказывай… – Рита перевела дух и

заперла дверь на все замки. Она так и не поняла, зачем ей показали этот длинный и ни с чем не сравнимый сон…

Глава 2

Тело девушки нашли в посадках, неподалеку от Кумысной поляны. Как всегда, случайно. Мужики тянули старый кабель, сворачивая его в тяжелое кольцо, чтобы потом отвезти в пункт приема старого металла, и наткнулись на завернутое в простыню тело. Один из мужчин даже потянул за край простыни, чтобы посмотреть… Зрелище не для слабонервных…

Марк стоял и курил в стороне, пытаясь понять, каким образом тело оказалось именно здесь. Судя по состоянию простыни, тело не волокли, скорее всего, его вынесли из машины и положили на землю. Значит, преступление было совершено в другом месте. Девушка была удушена. Изнасилована ли она и прочие подробности он узнает только завтра, и это в лучшем случае. А завтра у него свадьба. Он так долго ждал этого дня, что ему уже и не верилось, что завтра (благословенный день!) он не увидит ни трупов, ни серых и скучных лиц своих измученных коллег, ни испитого лица эксперта-криминалиста… Он откроет глаза и увидит перед собой нежное лицо Риты, зароется в густые теплые локоны и будет целовать ее до тех пор, пока не зазвонит будильник… И начнется самое интересное. Удивительное! Двое взрослых и неглупых людей будут играть спектакль под названием «Свадьба». Наденут свои лучшие костюмы, возьмут в руки буке-

ты роз… Будет звучать музыка, многочисленные гости будут их поздравлять торжественными тостами, дарить подарки…

– Три дня подряд шел дождь, невозможно определить следы… Ни окурков, ни пуговиц, ничего такого, – сокрушался эксперт, ползая по траве в поисках хотя бы каких-нибудь улик. – Девушка словно с неба упала. Хотя, как ты понимаешь, Марк, ее привезли на машине. Но те следы, что на дороге, если вообще можно назвать дорогой эту глинистую колею, уже давно закатаны – рядом поселок… Да и грибников полно.

Но Марк думал о Рите, представляя ее сейчас крепко спящей дома в полной тишине. Она всех попросила не тревожить ее, сказала, что хочет выспаться. И ее можно понять. Занимаясь приготовлениями к свадьбе, она продолжала работать – у нее было два заказа на натюрморты, и она, свободная, что называется, художница, была счастлива, что востребована и что знакомые финны, гостившие в Саратове в прошлом году и купившие у нее тогда фантазийные работы, не забыли ее и, оказавшись снова на Волге, позвонили и заказали ей вполне определенные натюрморты: букеты ромашек и красных роз. Они поговорили еще тогда с Ритой о свободе, что это понятие весьма и весьма неоднозначное, что свобода как таковая, в сущности, никому и не нужна: свобода от любимого человека, от близких, от заказчиков… Человек должен чувствовать себя нужным, любимым, и лишь тот, кто обречен на одиночество, выдумывает себе свободу, как един-

ственное благо… Это был долгий и сложный разговор…

Марк уже в машине вспомнил про убитую девушку, спросил себя, была ли она одинока. Молода, хорошо сложена, красива… Кому понадобилось убивать ее и за что? Ревность? Как часто в последнее время ему приходилось сталкиваться именно с этой причиной. Ревность – мотив номер один, когда речь идет об убийстве молодой девушки или женщины. Если, конечно, убийца не маньяк. Тогда мотив следует искать в другом месте. Анализировать, что общего между жертвами… Но пока что жертва, слава богу, только одна. И о маньяке думать еще рано. Марк, размышляя таким образом, вдруг поймал себя на мысли, что с каждым годом он делается все циничнее и циничнее, что и к смерти стал относиться более спокойно. Или он заблуждается? Мысли его текли вяло, ему было неприятно думать о мертвой девушке или даже пытаться представить себе ее живой. Надо было хотя бы за неделю до свадьбы взять отпуск, чтобы такие неприятные дела не омрачали общую картину мира в целом. Ведь он женится, причем на любимой женщине, и женитьба – это его желание, он знал, что Рита могла бы спокойно существовать с ним, и не расписываясь. Но не потому, что он законопослушный гражданин, он решил жениться, нет, ему был важен сам факт ее, Ритиного, согласия. Она хотела быть ему женой, хотела связать с ним свою жизнь, и это не каприз, это серьезное решение… Или же он был просто несовременен? Как бы то ни было, но завтра их брак зарегистрируют,

будет праздник, их придут поздравить друзья и родственники… Главное, чтобы не заявилась бывшая жена, особа эксцентричная и даже жестокая… Но нет, кажется, у нее другой муж, и она вроде бы даже счастлива… Он снова вспомнил про девушку, которую удушили и бросили в посадках. Вот ведь как случается – кому-то понадобилось лишать ее жизни. Словно, исчезнув, она могла бы решить какие-то очень важные проблемы убийцы. Если это ревность, то от нее все равно не излечиваются. И смерть женщины, которая изменила, лишь усугубляет и без того болезненное восприятие жизни. Возможно, мужчина задушил ее в порыве охватившей его злобы, когда застал с любовником. И не всегда ревность, вот что самое обидное, доказывает наличие любви к женщине. Марк иногда спрашивал себя, как бы он поступил, если бы Рита изменила ему, как бы себя повел, если бы застал ее, к примеру, с другим мужчиной. Но, прокручивая опасный ролик воображаемой сцены измены, каждый раз осознавал, что не может досмотреть его до конца: в последних, самых красноречивых кадрах Рита отсутствовала. Словно сама мысль о допустимости ее измены и предательства тормозила, а картинка становилась прозрачной. И это обстоятельство лишь добавляло Марку уверенности в верности своей возлюбленной.

Он изо всех сил заставлял себя работать, думать о погибшей девушке хотя бы до вечера, до того момента, когда он поднимется по лестнице и возьмется за ручку двери (рай-

ское блаженство), но мысли постоянно возвращались к жене. Вернее, к почти жене. Еще несколько часов, и они будут женаты. Он просто с ума сходил при мысли, что завтра он обретет в собственность такую чудесную женщину. Именно в собственность! Главное, чтобы сама Рита об этом не догадывалась. Хотя, кто знает, может, и она тоже воспринимает этот брак, этот черно-белый торжественный фарс, как закрепление своих собственнических прав на него самого, на Марка. Ну и пусть. Он с радостью станет ее собственностью…

– Пока не узнаем, кто она, будет сложно… – донеслось до него.

Это говорил его помощник, Лева Локотков. У него-то завтра нет никакой свадьбы. Он свободен от бурной личной жизни, а потому должен постоянно думать о мертвой девушке. (При этой мысли Марку стало особенно стыдно.)

– Представляю, о чем ты сейчас думаешь… У тебя на носу свадьба, а тут труп… – ухмыльнулся Локотков.

Марк не нашелся что ответить. Пожалуй, впервые в жизни он пожалел о том, что выбрал себе такую тяжелую и ответственную профессию. Ведь у этой девочки есть близкие, которые еще и не подозревают, что ее нет в живых. Что какой-то изверг удушил ее своими сильными и грязными лапами. Судя по внешнему виду, хотя и слегка подпорченному следами разложения, девушке было приблизительно двадцать лет, если не меньше. Значит, ее родителям лет сорок или чуть больше. Но все равно это еще вполне моло-

дые люди, которые наверняка строили в отношении дочери нормальные семейные планы: ее замужество, внуки… Стало быть, теперь этих внуков не будет. Хотя, подумал Марк отстраненно, эта девица могла быть и замужем, да и детьми могла уже обзавестись. Нехитрое дело…

Ему вдруг показалось, что он, вместо того чтобы испытывать к убитой девушке чувство жалости, злится на нее, а это уже вообще никуда не годилось. И причина одна: он не должен был сегодня видеть этот труп. Завтра утром он должен стоять рядом с ослепительно красивой Ритой с абсолютно свежей и не замутненной убийствами головой и думать только о том, как жизнь прекрасна и удивительна…

– Девушка абсолютно голая, – продолжал гундеть Локотков, делая вид, что он «работает». – Значит, можно предположить и характер отношений между нею и убийцей…

– Да брось ты, Левка, успокойся… Пока у нас на руках не будет результатов экспертизы, невозможно о чем-либо говорить… Мы не знаем, изнасилована она или нет…

– Если раздета, то вполне может быть…

– Может, она в ванне мылась, и ее удушили… К тому же ее могла удушить и женщина. Читал нашумевший роман Брасм «Я дышу»? Не представляю, правда, как шестнадцатилетняя девчонка вообще могла написать такое количество страниц, к тому же еще и вполне профессионально, ну да ладно… Так вот, там главная героиня, пацанка, удушила свою лучшую подругу, пока та спала. А ты говоришь – изнасилование…

Мы пока ничего не знаем. И самое главное – ее имя. Кто она такая? Круг ее знакомых. Семья. Молодой человек. Любовник. Или муж.

Марк не выдержал и позвонил домой. Рита должна была уже выспаться. Он непременно должен был услышать ее голос, зарядиться им. Должен был представить ее себе сонную, теплую, в домашнем халате с книжкой в руках… Или с чашкой чая с лимоном. Ему казалось, что сегодняшний день никогда не кончится и что под самый конец рабочего, пусть и ненормированного, дня ему подсунут еще какое-нибудь преступление…

Длинные гудки напрягли его. Локотков говорил еще что-то об убитой девушке, строил какие-то свои предположения на совершенно пустом месте, Марк же думал только о Рите. Позвонил ей на мобильный. И когда она откликнулась и он все же услышал ее голос, тело его сразу обмякло, словно успокоилось, нервы расслабились… Голос у Риты был встревоженный.

– Марк? Что случилось? – Казалось, она была удивлена его звонком.

– Рита, у меня-то ничего. Но вообще-то, конечно, случилось. Я тебе потом расскажу…

Он не мог в служебной машине в присутствии Локоткова рассказывать Рите о своей работе, об обнаруженном в посадках трупе. Да просто не имел права…

– Труп? – задала она таким же встревоженным голосом

наводящий вопрос.

– Да.

– Женский?

– Да.

– Молодая девушка?

– Да.

– Где-нибудь за городом?

– Да. Откуда тебе известно?

– Просто если бы я кого-нибудь убила, то труп постаралась бы спрятать куда-нибудь подальше, в лес, в посадки… Закопала бы. Вот такая кровожадная у тебя невеста.

– У тебя все в порядке?

– У меня – да. А вот с сестрой ничего хорошего. Но это тоже не телефонный разговор. Ты когда приедешь?

– Понятия не имею. Мы сейчас возвращаемся в город, у меня дела, много писанины…

– Натка говорит, что она мужика какого-то прибила, – Рита понизила голос. – Представляешь? Хрустальным графином… или кувшином. Прибежала ко мне бледная, как смерть. Напуганная. Я поехала с ней… Мы в машине, уже подъезжаем к ее дому. Если мужик действительно мертв, что нам делать?

– Это, надеюсь, шутка? – Марк издал нервный смешок. Он не поверил ни единому ее слову.

– Нет. Мишка, ее муж, в командировке, вот моя сестричка и решила поразвлечься… Душу парню выложила, обе-

дом накормила, дорогое шампанское на стол поставила… А он, сволочь, оказался начинающим журналистом, работал на одну известную газету, специализирующуюся на эротике… «Адам не женится на Еве», слышал? Бульварная, пошлейшая, неприличная газетенка, но с весовым тиражом. Когда Натка плескалась в ванной, эта свинья звонил какому-то своему приятелю и рассказывал о том, как легко соблазнить замужнюю женщину, раскрутить ее на шампанское и прочие удовольствия… Короче, он записал их свидание на диктофон… Все разговоры, звуки, стоны…

– Она сейчас там, с тобой, в машине? Она слышит, что ты о ней говоришь? – удивился Марк.

– Конечно, слышит. Плачет, дуреха.

– Хочешь сказать, что она вышла из ванной, услышала случайно обрывок разговора, разозлилась, схватила хрустальный графин и шарахнула им по голове своего любовника?

– Да, все именно так, как ты и сказал…

Марк вдруг побледнел. Рядом сидящий за рулем Локотков весь обратился в слух.

– Я сейчас подъеду… – Он отключил телефон и обратился к Леве: – Слушай, Локотков. Заедем к моей будущей свояченице. Думаю, ты и так все слышал и понимаешь, что тебе надо будет держать язык за зубами…

– Пусть скажет, что он пытался ее изнасиловать, – спокойно предложил польщенный его доверием Локотков дежур-

ную отмазку. – А что еще остается делать? Должны же мы помогать своим родственникам. Я тебе сейчас помогу, а когда-нибудь и ты мне… Вдруг…

– Лева, заткнись, а? Тебя тошно слушать. Сворачивай на Рахова, потом до Астраханской…

Глава 3

Лариса Арчибальдовна Бон поднялась на восьмой этаж и позвонила в дверь. Так, на всякий случай, потому что в такой час ее сын, снимавший квартиру в этом доме, скорее всего, должен был находиться в консерватории на занятиях. Но для приличия все равно позвонила, вдруг мало ли что…

Алик снимал эту квартиру вместе с девочкой, красивой и глупой, как кукла, Лелей, которая нигде не училась, не работала, а просто жила в свое удовольствие, мешая Алику заниматься и заставляя его постоянно подрабатывать. Половину квартирной платы вносила ее мать, женщина простая, работящая и, по словам Алика, беззаветно любящая свою единственную дочь. Лариса Бон понимала, что эту увлеченность сына молоденькой девушкой следует принимать как факт, что невозможно теперь, когда они вместе, убедить его в том, что она его недостойна, что таких, как она, миллион, а вот ему, Алику, в первую очередь надо бы подумать о своей карьере и всерьез заняться делом, возможно, даже переехать в Москву, перевестись в столичную консерваторию. Понимала, но примириться с этим все равно не могла.

Она отлично помнила тот день, когда Алик, бледный, вошел к ним в спальню и заявил, что он уходит из дома. Что это не финт, не выражение какой-то обиды, что он всем доволен и ужасно любит своих родителей, просто в его жизни появи-

лась любимая девушка, с которой они решили снять квартиру, чтобы пожить отдельно ото всех. Что это норма, что ничего в этом желании особенного нет, да и квартира недорогая, всего двести долларов в месяц, причем с неплохой мебелью и новой ванной. Он, боясь, что его перебьют, опережая готовые посыпаться на его разгоряченную голову вопросы, сразу же успокоил родителей, что консерваторию бросать не собирается, напротив, Леля будет его вдохновлять, он будет заниматься по восемь-девять часов в день, и что Леля, хоть она и не музыкант, но очень любит музыку, особенно фортепьянную игру. И инструмент есть, старое немецкое трофейное пианино, которое надо немного настроить. И вообще, у них все будет прекрасно… Кажется, Леля умеет готовить, хотя это и не так важно.

Лариса лишь развела руками. Она понимала, что квартиру эту дети уже сняли, раз говорят о ней так уверенно, вернее, сын говорит… Ведь Лели она тогда еще не видела. А когда увидела, поняла, что уже в очень скором времени Алик бросит консерваторию. Леля оказалась просто-таки сногсшибательной красавицей, натуральной блондинкой с богатыми длинными волосами, да только глаза ее голубые светились безумием, точнее – всяким отсутствием ума… Холеная, похожая на разбалованную и изнеженную кошку, она одним своим видом требовала денег, денег… С первого взгляда было понятно, что она глупа, необразованна, невоспитанна, что воспринимает Алика как очередное увлечение и нисколько

им не дорожит. Но природа наградила ее таким ангельским лицом, такой изумительной фигурой, что Лариса где-то даже поняла своего эстета сына. Как поняла и то, что не в состоянии объяснить ему: помимо внешности, в женщине важны еще и другие качества…

Отец Алика, увидев Лелю, тоже, кажется, все понял и сделал вид, что одобряет решение сына. Хотя на самом деле он был, конечно, на стороне жены. Они решили немного подождать, чтобы Алик сам разобрался с этой девушкой и разрыв с ней произошел бы естественным образом, чтобы он сам все понял… Что же касается своих родительских обязанностей, Лариса решила для себя, что будет по-прежнему опекать сына, следить за тем, чтобы он был вовремя накормлен, чтобы у него было все необходимое для жизни и учебы. Понимая, что деньги давать влюбленному мальчику небезопасно, да и вообще бессмысленно в данной ситуации, поскольку они сразу же перекочуют в сумочку Лели, которая найдет им более достойное, на ее взгляд, применение, Лариса привозила детям, как она называла юных любовников, продукты, выстиранную и выглаженную одежду и постельное белье, два раза в неделю приезжала к ним, чтобы сделать уборку, причем заставляла себя делать это спокойно, не обращая внимания на обуревавшие ее эгоистические материнские чувства. Конечно, она ненавидела Лелю. И за то, что та забрала у нее сына, и за то, что девчонка имела такую власть над Аликом, и, главное, что она отнимала у него много времени, застав-

ляя его давать частные уроки и играть в ресторане вместо того, чтобы позволить ему заниматься столько, сколько положено на четвертом курсе фортепьянного отделения консерватории. История затягивалась… Как и ожидалось, Леля вскоре остыла к своему очередному любовнику и пользовалась им в своих целях: живя с ним, она ловко избежала материнской опеки.

Но Лариса ждала. Сгорала от желания поскорее разделаться с девчонкой, объяснить Алику, что Леля – эгоистка и лицемерка, что она никогда не любила его и просто использовала, чтобы пожить отдельно от матери. Умирала от этого желания, но конкретно пока ничего не предпринимала. Ей хотелось, чтобы Алик сам все понял и чтобы разрыв с Лелей прошел для него менее болезненно. Зная чувствительную натуру сына, его тонкую душу и врожденную сентиментальность, она переживала за его душевное здоровье и продолжала ждать…

По дороге она купила молока и коробку овсяных хлопьев, чтобы сварить кашу – на двоих. Все, что она делала для сына, ей приходилось делать на двоих, стиснув зубы и убеждая себя в том, что это – неизбежность. И яблок купила на двоих, и апельсинов.

Она достала ключи и открыла квартиру.

Конечно, поначалу ей было интересно, как и чем живут эти щенята, что едят, чем укрываются, какую музыку слуша-

ют, какой посудой пользуются. И ей было приятно, что без ее участия они не смогли бы прожить и недели, настолько их быт к моменту ее первого появления был запущен: гора немытой посуды в раковине, в ванной комнате – переполненная корзина с грязным бельем, кастрюли с пригоревшим дном, в сковородках застыл жир…

На этот раз в квартире было прибрано. Создавалось такое впечатление, словно после ее уборки два дня тому назад здесь никто и не появлялся. Кровать аккуратно застелена. В кухне – чистота и порядок. И, что самое удивительное: в холодильнике стоят нетронутыми суп и жареные цыплята.

Лариса повязала фартук, достала чистую кастрюлю, налила в нее молока и поставила на огонь. Села возле окна в плетеное кресло и закурила. Она давно уже гнала от себя мысли о том, что такой поворот в жизни сына не случаен, что где-то и когда-то ее близость с сыном дала трещину, что в какой-то момент он успел отдалиться от нее, а она и не заметила. Ведь они всегда с ним были друзьями, и он, в отличие от своих прыщавых сверстников, был откровенен с ней и доверял ей все свои мальчишеские секреты. И вдруг он замкнулся. Словно кто-то своей нежной надушенной рукой плотно закрыл ему рот и околдовал его. И этот «кто-то» еще поплатится за все, дайте только срок! В тот благословенный момент, когда Алик вырвет ее из своего сердца и опутанная нервами нить, связывающая его чувствительную плоть с нежным девичьим мясом, разорвется и перестанет болеть, как в свое

время пуповина, подсохнет и отпадет, оставив незаметный шрамик, вот тогда она и нанесет свой удар, отомстит… Как? Об этом она пока не думала, не хотела травмировать свою психику даже воображаемой сценой расправы… Хотя она вполне допускала мысль, что, вернув себе сына, она просто забудет свою несостоявшуюся невестку, эту смазливую потаскушку…

Раздался звонок, и Лариса, не сразу сообразив, откуда исходит этот сигнал, подскочила с кресла и заметалась по кухне, словно ее присутствие здесь, в этой квартире, чуть ли не преступно. Если звонят, значит, это не Алик и не Леля. Кто тогда? Кто-то из друзей-студентов? Или подружка Лели?

Лариса уже подошла к двери, когда звонок повторился, причем словно с усиленным, тревожным звуком.

– Кто там?

– Откройте, пожалуйста… – раздался женский голос, и Лариса, забыв о всякой осторожности, открыла дверь. Увидела перед собой женщину в белой блузке, синей узкой юбке, волосы зачесаны назад, открытое лицо – бледное, со следами пудры. В руках женщина держала большую хозяйственную сумку. Что-то знакомое увиделось в чертах незнакомки.

– Я – мама Лели, – представилась гостья. – А вы, наверное, Лариса Арчибальдовна, мама Алика, так? А меня зовут Люда. Людмила Померанцева.

Она говорила и держалась неуверенно, и Ларисе стало даже жаль ее.

– Проходите, пожалуйста. – Она распахнула пошире дверь и впустила Людмилу Померанцеву.

Людмила разулась и босиком направилась с сумкой на кухню.

– Вы знаете, – она сделала движение головой в сторону Ларисы, – я бываю здесь очень редко, работаю на трех работах, уборщица я. Это Леля меня стесняется, всем говорит, что я секретарь в офисе, но вам-то я врать не стану. Не вижу в этом смысла. И не потому, что надеюсь, что мы когда-нибудь породнимся, я же все понимаю, Леля Алику не пара, просто потому, что устала от всего, и от своей дочери тоже…

Она принялась выгружать на стол продукты: замороженную курицу, коробку с яйцами, завернутые неплотно в коричневую бумагу колбасу, сосиски, окорок…

– Не хочет она ни учиться нигде, ни работать, кто-то успел ей вбить в голову, что она спокойно сможет прожить и без работы, что мужчина, с которым она будет жить, должен ее содержать… Но какой из Алика мужчина? Вы уж не обижайтесь, но он пока еще мальчик, талантливый музыкант, которому еще учиться и учиться… Леля этого не понимает. Она требует от вашего Алика невозможного – денег, а где он их возьмет?

Лариса ее слушала и не верила в услышанное. Она никак не ожидала от этой женщины, матери своего врага, этой размалеванной куклы Лели, услышать чистую правду, такую, какой живет и страдает она, мать Алика. Они, оказывается,

все это время были союзницами. А ведь Лариса думала, что мать заодно с дочерью, что они вместе давят на Алика, заставляя его давать уроки и выступать на сомнительных городских концертах и даже в ресторанах…

– Если дам ей деньги, она все промотает на тряпки и косметику. Поэтому я чаще всего даю ей продукты, но ей лень даже заезжать домой, чтобы взять тяжелые сумки. Вот и приходится привозить…

А Лариса думала, что она одна кормит щенят.

– Люда, давайте выпьем чайку, а? Я вижу, вы устали…

– Я с удовольствием. Знаете, что-то сегодня так устала… Наработалась с самого утра. Сначала в пять часов в один офис поехала, там убралась, потом во второй, а сейчас вот из аэропорта еду, там полы мыла… Платят везде неплохо, но и работать заставляют много, такие площади… Хорошо, когда пылесосы есть, а то приходилось раньше чистить ковры щеткой…

Они так тепло и мило разговаривали за чаем с бутербродами, что удивились, услышав звон ключей. Пришел Алик. Увидев обеих мам, он замер на пороге кухни, словно обмяк. Выглядел он плохо: лицо осунувшееся, под глазами круги, да и глаза смотрели на мать с тоской и тревогой.

– А Леля где? – спросила Лариса.

– Как где – дома… – Алик посмотрел на Померанцеву. – Разве она не дома?

– Нет… А когда она поехала? Сегодня утром?

– Какое!.. Еще неделю тому назад уехала. Мы с ней немного поссорились… Но я думал…

– А чего же не позвонил? – встрепенулась Померанцева. – Телефона, что ли, нет? Алик, где моя дочка?

– Думал, что она у вас дома. Где ей еще быть? – Он смутился и теперь не знал, на кого смотреть.

– Алик, сядь и все нам расскажи. И еще – ты сам-то дома был? Постель заправлена, еда нетронутая…

– Я у друга был, на даче…

– Значит, Леля уехала домой неделю тому назад?

– Я не говорил, что домой, я просто так подумал… Но, может, она у подружки какой живет, я так сказал, чтобы вас не расстраивать… Не знаю. Не могу же я ходить за ней по пятам! Она сама бросила меня, ушла, сказала, что ей надоела такая жизнь… Она говорила что-то про ограничения…

– Да, она любит это слово, – поддержала Алика Людмила. – Она и мне всю жизнь говорит, что ей надоели ограничения: то нельзя, на это денег нет… Алик, ты нам скажи: у нее кто-то появился? Ты не удивляйся моему вопросу, но я знаю свою дочь. И хотя нехорошо так говорить, но несерьезная она, понимаешь? И мне тебя ужасно жалко… Она красивая, но для жизни тебе нужна другая девочка, тебе под стать…

– А почему вы спросили, не появился ли у нее кто? – спросила Лариса. – Вы что-нибудь знаете?

– Ничего не знаю, в том-то и дело. Просто, когда она была у меня в последний раз, на ней были новые джинсы, свитер,

сумка… Я знаю, что моя дочь никогда в жизни не станет покупать себе вещи на рынке, значит, все дорогое, из магазинов… Алик, откуда у вас деньги?

– Но я ей точно не давал… Хотя вещи новые видел, думал, вы ей купили или деньги дали…

Он посмотрел на Ларису так, что у нее сжалось сердце. Она вдруг почувствовала, как между ними образовалось теплое пространство и что Алик этим взглядом как бы просил у нее помощи. Как хорошо, что они все здесь встретились: Алик, мать Лели и она, Лариса. Быть может, бог услышал ее молитвы и теперь наступил как раз тот благословенный час, когда у Алика откроются глаза на свою возлюбленную… Корыстную стерву, негодяйку… И какое счастье, что ее мать на их стороне, что она понимает и жалеет Алика!

«Алик, родной, я с тобой, ты только скажи, и я уведу тебя с собой, домой…» Она постаралась вложить эти слова в свой ответный взгляд. И увидела вдруг, что Алик прослезился. Стал на миг тем самым мальчиком, который был так близок ей и который так ее любил!

– Алик, я, пожалуй, пойду, – вдруг поднялась Людмила. – Лели нет, значит, ее надо искать… Я знаю, где она может быть. Подружку зовут Катя. Сначала позвоню туда, а уж там видно будет… Больше ей быть негде.

– А если ее там нет? – ледяным тоном спросил Алик, стараясь ни на кого не смотреть. Щеки его уже пылали. Ему было неприятно, что две взрослые тетки стали невольно свиде-

тельницами его унижения и стыда. Его бросили, бросили… Неделю назад ушла и ни разу не позвонила… Как будто и не было любви, страсти, нежных ночных разговоров и клятв…

– Все равно Катя может подсказать, где она…

– И мы тоже поедем, правда, сыночка? – Лариса не выдержала, подошла к сыну и прижала его голову к себе, поцеловала в макушку.

Померанцева очень быстро вышла из квартиры, а Алик, вдруг судорожно ухватившись за мать, прижался к ней и разрыдался… Лариса стояла и тоже плакала, чувствуя, что то, о чем она так долго мечтала, свершилось – Алик вернулся к ней. И теперь она его никому не отдаст…

Глава 4

Арина Затонская заканчивала статью о судье-взяточнике, когда зазвонил ее телефон. Мужеподобная, худая, коротко стриженная, с низким хрипловатым голосом, Арина, запакованная в тесные джинсы и черный, обтягивающий ее тонкое тело свитер, смерила телефон презрительным взглядом, словно это было живое существо, посмевшее отвлечь ее в такой ответственный момент от работы. В кабинете было сумрачно – над городом нависли тяжелые предгрозовые тучи, на утонувшем в сиреневых тенях столе ее кабинета (отдельный кабинет, хоть и тесный, ей выделили за большие заслуги перед местной журналистикой, как «платиновому перу», как лучшей из лучших, пишущих на криминальные темы, как храброй женщине-разоблачительнице, специализирующейся на «чистых», некоммерческих статьях о преступности в родном городе) светился экран новенького «лаптопа», как ласково она называла свой ноутбук. Еще пара строк, и статья будет готова…

Она резким движением схватила телефон и недовольным тоном спросила, мол, кто это и какого черта. Но, услышав знакомый женский голос, сразу как-то расслабилась, обмякла и искренне улыбнулась: Рита! Это была Рита Орлова, художница, чьи картины украшали ее девичью квартиру в центре города, на набережной. Женщина, перед которой Ари-

на преклонялась, которой восхищалась и на которую она, к несчастью, никогда не будет походить. С Ритой она могла разговаривать часами, рассматривать картины в ее уютной мастерской, пить чай с ее чудесными пышными пирогами и наслаждаться ароматами свежих цветов, букеты которых украшали ее большую, светлую квартиру.

– Рита, как я рада!

Рита попросила ее срочно приехать и назвала адрес. Сказала, что дело очень важное и это не телефонный разговор. Арина сказала, что будет через двадцать минут. Ровно столько ей понадобится, чтобы выключить компьютер, запереть кабинет, спуститься вниз, завести машину и добраться до нужного адреса.

– Я быстро.

Но в дверь она позвонила только через двадцать пять минут. Рита открыла дверь, схватила ее за руку и втащила в кухню незнакомой Арине квартиры. Рита, к удивлению Арины, была в строгом костюме, сильно смахивающем на прокурорский наряд.

– Арина, спасибо, что приехала, – зашептала Рита ей в самое ухо. – Значит, так. Слушай, у нас мало времени. Моя сестра закрутила роман с одним парнем. Красивый, щедрый, восторженный, и все в таком духе… Натка моя совсем голову потеряла, привела его в отсутствие мужа (он у нас в командировке) к себе домой, устроила настоящую оргию с шампанским и ананасами в постели… Арина, когда она бы-

ла в ванной комнате, точнее, когда она уже выходила оттуда, случайно услышала разговор этого парня, его зовут Леша, со своим приятелем… Словом, он журналист, ты его наверняка знаешь, он пишет статьи для газеты «Адам не женится на Еве». Так вот, лежа в постели с моей сестрой, он, оказывается, собирал материал для своей статьи, записывая все на диктофон! Он хохотал, рассказывая своему дружку о том, как раскошелилась моя дурочка на шампанское и икру, ананасы, персики и все такое… Свинья, короче. А моя сестричка – девушка нервная, с характером, так вот, она взяла хрустальный графин, первое, что попалось ей на глаза, и ударила этого журналиста по голове. Сначала она думала, что он умер, что она убила его, приехала ко мне вся в слезах… У меня же завтра свадьба (кстати, приглашаю, координаты и собственно приглашение дам позже), вот и представь, что я испытала, увидев ее на пороге! Мол, спасай, я убила человека! Мы полчаса тому назад приехали сюда и увидели этого подонка не на полу, где она оставила его, а уже на диване. Он лежит в отключке с мокрым полотенцем на голове. Видать, пришел в себя, взял полотенце и лег на диван… Понимаешь, все это очень опасно и сложно. Нам надо сделать удар первыми, повернуть все таким образом, чтобы моя Ната была жертвой, а не он.

– А она и есть жертва, – невозмутимо ответила Арина, отлично представившая себе весь ход событий и успевшая испытать по отношению к своему «коллеге» чувство глубокого

презрения и неприязни. – Леша… Кто же это? Фамилию не знаешь?

– Нет. Но он очень молодой… и рыжий такой, худой, высокий… В сущности, его можно даже назвать обаятельным…

– Это, случаем, не Гох? Есть у нас такой. Бабник первостатейный, сын Гоха-старшего, может, слышала о таком редакторе? Он в свое время на коммунистов работал…

– Знаю, – поджала губы Рита. – Кажется, он даже на него похож. Ты вот сейчас назвала его фамилию, и я вспомнила… Хочешь сказать, с ним лучше не связываться из-за папашки?

– Глупости. Как раз и связываться! Мало ли кто папашка, главное, кто сын и что он вытворяет… Я почему-то уверена, что это он. А где ты взяла прокурорский пиджак?

– Так, одолжили, – порозовела Рита. – Ну, так что, у тебя созрел какой-нибудь план?

– У них отношения были?

– Были.

– Попытка изнасилования плюс шантаж. Как доказательство – результаты экспертизы, если твоя сестра, конечно, не помылась…

– Она же из ванны как раз выходила! – с горечью воскликнула Рита.

– А кто об этом знает? И плюс диктофон. Он-то на месте?

– Да, мы с Наткой его прибрали, спрятали.

– Вот и отлично.

Молодой человек с влажными темно-рыжими, почти красными волосами сидел на диване и стонал. На нем был махровый темно-зеленый женский халат. Наташа стояла возле окна и всхлипывала. Рита, сидя напротив, с умным и неприступным видом набрасывала в своим блокноте портрет «насильника». Арина, утонув в соседнем кресле, молча курила.

– Ты-то как здесь? – простонал молодой человек, имея в виду Арину. – Как образовалась? Из воздуха, что ли? Нет, у тебя определенно дар появляться там, где тебя меньше всего ждут.

– В редакцию поступил анонимный сигнал, что Леша Гох зарабатывает на жизнь тем, что шантажирует замужних женщин, записывает свидания на диктофон, а потом продает материал… Помимо этого, девушка, которая не назвалась по известным причинам, сказала, что была тобой практически изнасилована… Что ты якобы собирался взять у нее интервью…

– Кто такая? – Гох сморщился и снова приложил к голове мокрое полотенце. – Да мало ли у кого я брал интервью?!

– Вот и вспоминайте, Гох, – поддержала Арину Рита. – Посудите сами. События разворачиваются с такой скоростью, что мне не потребуется даже одного дня на то, чтобы собрать доказательства вашей вины… Мне позвонила Арина в прокуратуру… Сказала, что анонимная девушка назвала адрес,

по которому вы можете сейчас находиться…

– Неужели Танька Островная? Арина, это она? Это она назвала тебе адрес? Только она… – Тут Гох, не выдержав, разразился грязной бранью. – Мстительная стерва, что я еще могу сказать!

– Да, но женщина, открывшая нам дверь, буквально бросилась к нам со слезами на глазах, сказав, что ее изнасиловали…

– Я никого не насиловал. Все было по согласию… И я не знаю, как она могла… – Гох наконец повернул голову и встретился глазами с Наташей. Та нашла в себе силы выдержать этот взгляд.

– Мы поначалу с ним просто разговаривали… И когда я приглашала его к себе, это не означало, что мы с ним… А потом он сам, после того, как все это произошло, заявил мне, что свидание записано на диктофон и что он отдаст мне пленку за две тысячи долларов!

– Что-о?! – Гох подскочил, как ужаленный, и бросился к Нате. Арина отшвырнула его, и он упал на диван. Полы халата распахнулись, и Арина, девственница, отвела взгляд. Рита же усмехнулась. Голый журналист в Наткином халате и с розовым полотенцем вокруг головы…

– Успокойтесь, Алексей… Ваше отчество, пожалуйста.

– Германович, – ответил, как выплюнул, Гох.

– Так вот, успокойтесь, Алексей Германович. Все докажет экспертиза. Если между вами и гражданкой Натальей Андре-

евной Генс ничего не было, то и дела-то об изнасиловании не будет, останется лишь шантаж, благо доказательств этого рода деятельности у нас в избытке…

– Но я ее не насиловал! Она сама пригласила меня к себе, купила шампанское, накрыла стол…

– Все очень серьезно, Алексей Германович, – заметила Рита, с трудом играя роль прокурорши. – Пока вы приходили в себя после тяжелого похмелья (Гох метнул в Наталью взгляд, полный презрения), Наталья Генс успела съездить в НИЛСЭ, где ей сделали экспертизу. Как вы думаете, если бы у вас с ней все было по согласию, как вы говорите, и она осталась бы, мягко говоря, довольна общением с вами, стала бы она делать экспертизу?

– Если у нее проблемы с деньгами, то могла бы… – огрызнулся Гох. – Это один из способов заработать деньги… Сначала заманить мужчину в постель, а потом заявить на него в милицию, мол, спасите, изнасиловали…

– А как тогда объяснить наличие в кармане вашей куртки диктофона с записью?.. Это тоже она придумала? Это ваш диктофон?

– Мой.

– Леша, по-моему, это у тебя финансовые трудности, раз ты опустился до шантажа… Представляю себе, что подумают о тебе твои друзья и близкие, когда прочитают статью о том, как Леша Гох зарабатывает себе деньги на жизнь… Поверь мне, статья будет немаленькая…

– Я отказываюсь что-либо говорить без моего адвоката! – истерично вскричал Гох и снова схватился за голову. – Черт, так голова болит, просто раскалывается… Послушайте, давайте все замнем… Да, вы правы, я записывал все, записывал, но не для того, чтобы шантажировать, а для своей статьи… Мне дали тему: муж уезжает в командировку, поведение жены… Я случайно познакомился с Наташей и решил собрать немного материала… Мы отлично проводили время… И я не понимаю, кто вам мог дать этот адрес, разве что меня выследила моя девчонка… Никого я не насиловал! Все было отлично! Ну зачем экспертиза? Давайте разойдемся по-хорошему… Я подарю этой прелестной молодой женщине свою машину и попрошу прощения… Вы, товарищ прокурор, представите себе, что Арина вам не звонила, а ты, Арина, забудешь о звонке Танюхи… Я еще молод, у меня вся жизнь впереди… Ни разу не привлекался, не был замешан ни в одной грязной истории, в том числе и с пиаром… Что же, я напрасно заканчивал университет? Работал, как проклятый, в трех газетах? Да отца кондратий хватит, когда он узнает, куда я влип…

– Вообще-то он неплохой журналист… – осторожно сказала Арина, чувствуя, что история затягивается и что желание Гоха откупиться машиной лишний раз подтверждает его вину.

– Вы что же это, думаете, что вызвать прокурора на место преступления – это все равно, что вызвать врача «Скорой

помощи»? Поговорили и разбежались? Вы будете писать заявление, гражданка Генс? – спросила Рита Натку сурово.

– Я не знаю…

– Тебе что, машина не нужна? – оживился Гох. – Соглашайся, и не нужно никакого заявления. Разве ты не видишь, Арина и наша уважаемая прокурор – знакомые. А это означает, что мы сможем договориться.

– Я лично ни о чем с вами договариваться не собираюсь, – бросила Рита брезгливо.

– Хорошо, – кивнула головой Натка. – Я не стану писать. Но вы, Арина, свидетель, что мне обещали машину…

– В таких делах свидетелей быть не должно.

– У вас как-то все сложно. Меня изнасиловали, это факт, наше свидание записывалось на пленку, чтобы потом продать мне ее… Я, чтобы не портить человеку карьеру, соглашаюсь в качестве извинения принять у него машину, а вы все вдруг собираетесь сделать вид, что вас здесь не было… А что, если он меня обманет?

– Вот тогда и напишете куда следует. К тому же заключение эксперта будет у вас на руках… – посоветовала Арина, которая мечтала как можно скорее закончить со всем этим. Ее женское самолюбие было удовлетворено – Гох наложил полные штаны… Она никогда не была кровожадной, хотя знала, что за глаза ее называют «пираньей».

– Одевайтесь и уходите. Немедленно, – тихо, но довольно внушительно произнесла Рита и усмехнулась. Кажется, про-

несло. Никого-то Натка не убила. Гох с разбитой головой подарит ей к тому же машину… Интересно, какую?

Гох, запахнув халат, кинулся в спальню и вскоре вышел оттуда уже одетым, застегнутым, что называется, на все пуговицы.

– Все. Все. Я пошел. Телефон у меня твой, Наташа, есть. Обещал, что отдам машину, – значит, отдам. Между прочим, новенький красный «Фольксваген». Так что разбегаемся, дамы…

Он ушел, громко хлопнув дверью, и все услышали, как он громко матерится, скатываясь с лестницы. В комнате какое-то время было очень тихо. Арина первая зажала рот рукой, чтобы не расхохотаться. Она давно так не веселилась… Рита тоже с трудом подавляла смех. И только Ната улыбалась, все еще не веря в свое освобождение. Она до последнего момента ждала какого-то подвоха.

– Господи, девочки, как же я перепугалась! Думала, что разбила ему голову и меня посадят в тюрьму. И это накануне твоей, Ритка, свадьбы!

– Кажется, кто-то обещал мне приглашение?! – Арина открыто любовалась Ритой. – Неужели ты все-таки решилась выйти замуж? Это художник? Скульптор? Ты же у нас личность творческая… – Она не выдержала, подошла и поцеловала Риту. – Какая же ты красавица! А я никак не могу сменить имидж… Не хватает терпения отрастить волосы. Не знаю, как стать более женственной… С каждым годом все

больше и больше становлюсь похожа на мужика. Хотя с ориентацией у меня все в порядке… Вкуса, что ли, не хватает… Так ты не ответила, кто у нас жених?

Рита, мысленно прикидывая, что можно сделать с Ариной, чтобы придать ее облику побольше женственности, рассеянно произнесла:

– Марк Садовников.

Арина замерла.

– Кто? Марк?

– А ты что, с ним знакома?

– Да я же о нем статью писала не так давно… И вообще, мы с ним плотно работаем, он помогает мне собирать информацию, а я – ему… Он потрясающий… Рита, но он ведь ничего не смыслит в живописи! Он, грубо говоря, мент. Точнее, следователь прокуратуры. Его и дома-то постоянно не будет. Как ты с этим смиришься?

– Когда его нет дома, я работаю. Ты забыла? Так ты придешь завтра? Приходи без приглашения, я скажу маме, чтобы она сама тебя встретила. Ты же знакома с моей мамой?

– Знакома… Теперь вот с твоей сестрой познакомилась… Марк… Женится! Надо же!

Раздался звонок в дверь. И почти сразу же – шаги в передней. Ната зажмурилась. Вошел Миша, ее муж.

– Привет, девочки… А я на день раньше вернулся. Все-таки у Риты завтра свадьба, я и подумал, что это я буду на поезде тащиться… Вот и взял билет на самолет. Ната, ты ра-

да?

Ната открыла глаза. Она стояла пунцовая и обливалась потом. «Появись ты на несколько минут раньше, – думала она, – что было бы?..»

– Арина, пойдем, – Рита потащила ее к дверям. – Поедем ко мне… Невозможно допустить, чтобы ты завтра в ресторан пришла в джинсах и свитере… Сейчас по дороге купим краску для волос, дома я покажу тебе кое-что из своей одежды, что позволит тебе изменить имидж…

Они ушли, Ната дала мужу себя поцеловать.

– Я так по тебе соскучился… – Миша крепко обнял ее. – А ты? Ты скучала?

– Да… И шампанское купила… Да вот только с девчонками мы уже немного выпили…

Глава 5

Банкетный зал ресторана «Астория» утопал в цветах. Столы, составленные буквой П, были накрыты белыми скатертями и заставлены белой с позолотой посудой. «Марк, вот сколько ни была на свадьбах, везде людей кормят салатом из свежей капусты. Часа два ничего не подают, словно ждут, пока всю капусту не съедят. Не хочу повторяться. Хочу, чтобы мои друзья, художники, поэты и писатели, повеселились как следует, наелись икры, наконец, мяса. Пусть будет богато накрытый стол, ломящийся от закусок, настоящие музыканты из Театра оперетты, кордебалет, а почему бы и нет? И еще – игры, фанты, музыкальные номера, импровизация, танцы… А на десерт – огромный киношный трехэтажный торт, белый, с розочками. Да, и друзей своих прокурорских позови, пусть отдохнут от своей сволочной работы, от своих трупов…»

На свадьбу, к удивлению Марка, пришло довольно много гостей. Они все приходили и приходили, и Рита, встречая своих друзей – художников и скульпторов, поэтов, писателей и музыкантов, – лично рассаживала их за столы, уделяя каждому внимание. Он не мог не заметить, как плохо некоторые из них выглядят: испитые лица, пустые глаза, немытые волосы, старая одежда… А ведь они – настоящие профессиональные художники, с дипломами художественного училища

и богатым опытом, литераторы… Почему у одних карьера складывается удачно, как, скажем, у Риты, которая вообще нигде не училась рисованию, но чьи работы покупают за баснословные деньги и заказывают еще и еще, а у других – полное затишье? Как в творческом, так и в денежном смысле. Их работы не продаются, они пылятся в мастерской, сваленные на полках, а сами художники пьют. Многие лишились таким образом семьи и влачат жалкое существование. На их фоне сытые и раскрасневшиеся, упитанные лица коллег-следователей производят совершенно другое впечатление. Словно следователи как сыр в масле катаются. Хотя тоже, конечно, попивают и курят много. Очень много. Но все, как правило, женаты, да и на свадьбу пришли с нарядными женами. Все, в отличие от художников-музыкантов-писетелей, с цветами, подарками. И это различие так бросалось глаза, что Марк заметил, как погрустнела Рита.

Рита. Он никогда не видел женщины прекраснее! Вместо ожидаемого белого свадебного платья – изящное розовое, узкое, облегающее фигурку. Настоящая роза в локонах. Все мужчины не сводили с нее восхищенных глаз. Что бы она ни делала, что бы ни говорила, куда бы ни шла – взгляды следовали за ней. К Марку подходили друзья, знакомые, поздравляли, и все говорили о его жене, о том, насколько они потрясены ее красотой. Многие напрашивались в гости, в мастерскую, чтобы посмотреть работы Риты. Но Марк вежливо уходил от конкретного разговора, никому ничего не обещал,

потому что не мог представить всю эту огромную компанию в их тихой квартире, в уютной мастерской. Быть может, когда-нибудь кто-то из них и придет, чтобы взглянуть на картины, но не купить их. Ни один из гостей, по мнению Марка, был не в состоянии заплатить даже за самую маленькую работу Риты. Разве что она сама что-то подарит.

Официантки разносили рыбу, оркестр – празднично одетые музыканты – выводил вальс Штрауса, многие из гостей танцевали, Марк сидел, держа Риту за талию и пытаясь поцеловать ее голое плечо, когда вдруг увидел стремительно идущего в их сторону человека. Он, в отличие от остальных Ритиных гостей, был одет с иголочки. Черный костюм, белоснежная сорочка, золотистый галстук. Остановившись перед Ритой, он поклонился, взял ее за руку и поцеловал.

– Поздравляю, Ритуля, – сказал он, протягивая ей красный замшевый футляр. – И вас поздравляю, – он пожал руку Марку.

– Марк, это Леня Масленников, – побледнела Рита. – Мой хороший друг… Леня, это Марк, мой муж. Я так рада, что ты пришел… Ты один?

– А с кем я должен быть?

– С Валентином, например… Я его тоже сто лет не видела… Как ты узнал о моей свадьбе?

– В газете прочитал, – улыбнулся Леня. – Но если серьезно, мне Валя позвонил. А уж откуда ему это стало известно – понятия не имею… Думаю, ты не прогонишь своего старого

друга?

Марку показалось, что по лицу Риты пролетела тень страха или тревоги. Она вдруг стала какая-то неспокойная. Масленников уже отошел от их стола и слился с толпой гостей, а Рита все еще стояла, продолжая смотреть ему вслед.

– Тебе неприятно его видеть?

– Да нет, дело не в этом… Просто он мне приснился. Вчера. Когда-то давно он ухаживал за мной… Он вдовец, у него взрослая дочь. У нас есть общий друг, Валентин…

Рита вдруг с ужасом поняла, что совершает нечто недопустимое – собирается рассказать своему новоиспеченному мужу о своем бывшей ухажере и даже о своем неврастеническом сне с изменившимся портретом дочери Масленникова, ее похищением и незаконным бракосочетанием. Разве об этом можно говорить на собственной свадьбе?

– Он – твой бывший любовник? – Тон у Марка был ледяной. Рита, не глядя на него, нашла его руку и крепко сжала.

– Нет, Марк. Леня никогда не был моим любовником. Но картины мои покупал. Он – не бедный человек. И вообще успешный. Я жалею, что сказала тебе о том, что он за мной ухаживал… Просто он овдовел и подыскивал себе жену… Но когда понял, что со мной он только тратит время, вообще исчез из поля моего зрения. Не звонил, не приходил… И вдруг вот сегодня появился.

– Ты извини меня… Просто, когда я вижу рядом с тобой мужчин, я умираю от ревности. Этот Масленников не похож

на остальных твоих друзей, он из другого круга…

– Да, мои друзья пишут картины, а такие, как Леня, их покупают или заказывают. Говорю же, он богатый человек, у него аптечный бизнес.

– А что в коробке? Брильянты? – Марк с трудом подавлял в себе желание пойти и схватить за грудки этого аптекаря в шикарном костюме и золотом галстуке. Ему было неприятно даже то, что этот Масленников смотрел на Риту своим похотливым взглядом, скользил по ее голым плечам, нежной шее, украшенной жемчугом… Ревность душила его.

– Марк, возьми себя в руки, иначе мне придется уйти с собственной свадьбы… Ты меня знаешь, я могу… – жестко произнесла Рита, сама пугаясь своего голоса. Она открыла футляр и увидела перстень: брильянт с сапфиром. Дорогой подарок. – Недурно. Так как, Марк, ты берешь себя в руки?

В это время энергичный, элегантно одетый, маленький, похожий на итальянца мужчина с блестящими зачесанными назад волосами – тамада – принялся объяснять в микрофон правила новой игры… Все гости перестали есть и теперь вынуждены были оставить вилки и слушать. Некоторые, сидевшие с набитыми ртами, еще продолжали жевать…

Рита, почувствовав голод, съела грушу. Ей хотелось сказать Марку, как она счастлива, как она любит его, но вместо этого она с тревогой посматривала в его сторону, переживая за него и понимая причины внезапно вспыхнувшей в нем ревности. Она и сама-то была ревнивой и вряд ли оста-

валась бы спокойной, появись перед Марком какая-нибудь красотка с дорогим подарком…

Она повернулась к Марку и зашептала ему в самое ухо:

– Я не могу так… Я должна чувствовать себя рядом с тобой спокойно и говорить с тобой обо всем на свете, не боясь твоей ревности. Не заставляй меня страдать! Это наш самый счастливый день… Мне недавно приснился сон, и я бы хотела рассказать тебе его, понимаешь? Это же нормально…

– Прости меня, Рита, – Марк поцеловал ее и крепко обнял. – Я постараюсь, я возьму себя в руки… просто ты сегодня такая… Ты посмотри только, как на тебя все глазеют…

– Ты все воспринимаешь по-своему, по-мужски, хотя все взгляды, обращенные ко мне, свидетельствуют лишь о том, что все мы просто долго не виделись друг с другом, соскучились, что нам есть о чем друг другу сказать, да только свадьба – не самое подходящее для этого место. Здесь не принято много говорить или предаваться воспоминаниям, здесь люди просто веселятся, радуются самой свадьбе и тем приятным вещам, которых большинство из них лишены в повседневной жизни… Ты только послушай, как играют сегодня музыканты, как великолепно звучит этот хоть и небольшой, но слаженный, гармоничный оркестр. Между прочим, я лично проследила за тем, чтобы музыкантов хорошенько накормили, у них есть даже отдельный столик…

– Все правильно, Рита, постарайся не обращать на меня внимания… Просто я очень люблю тебя и страшно пережи-

ваю… Мы вот сейчас веселимся, женимся, радуемся жизни, а за стенами этого ресторана, по улицам, ходят люди, которых и людьми-то трудно назвать… И мой долг – обезопасить нормальных людей и в первую очередь тебя от этих извергов, для которых человеческая жизнь – ничто…

– Марк, прошу тебя, не заводись. Я понимаю, что это не просто слова, что за ними кроется какое-то новое дело, скорее всего, убийство, но хотя бы сейчас постарайся абстрагироваться. Отдыхай и наслаждайся жизнью…

И тут они оба умолкли. Странная картина заставила их просто онеметь. Один из приглашенных гостей, высокий и худой старик с длинными седыми сальными волосами, одетый в синий короткий летний плащ, явный алкоголик, не обращая внимания ни на кого, спокойно собирал с тарелок эклеры и засовывал их за пазуху.

– Это скрипач, его зовут Саша, ему еще и пятидесяти нет, а выглядит стариком, – вздохнула Рита. – Когда-то он был художником, неплохо играл на скрипке, но потом начал сильно пить, и теперь, когда его спрашивают, чем он занимается, он отвечает, что он – поэт. Быть может, он всегда в душе был поэтом, да только алкоголь убил все таланты…

– Он что же, не испытывает никакого чувства стыда перед остальными? Ведь он же знает, что его видят, понимает, он не так уж и пьян…

– Я тоже кое-что знаю. После того, как все разойдутся, он наберет полные пакеты еды и вместе с другими моими гостя-

ми, находящимися примерно в таком же положении, что и Саша, поедет к кому-нибудь домой продолжать праздновать. И знаешь, что самое ужасное?

– Что?

– Что им уже никто не может помочь. Даже если им дать денег, хорошую квартиру и предоставить все условия для работы, все равно ничего не получится, и никто из них не создаст ничего стоящего. Понимаешь, они уже давно творческие импотенты и свою слабость прикрывают бедностью, глушат алкоголем, и, что самое неприятное, при каждом случае они будут демонстрировать более успешным людям свое презрение и даже плевать им в спину… Вот, мол, ты продаешь свои картины за большие деньги, это коммерческие работы, это не произведения искусства, и все в таком роде… А я, гений, вынужден голодать и отказывать себе во всем во имя идеи…

– Рита, какую же мрачную картину ты мне нарисовала.

– Все. Эклеры кончились. Смотри, в дело пошли бутерброды с икрой и буженины. Надо предупредить официанток, чтобы они спокойно отнеслись к тому, что происходит… Рано или поздно это закончится…

– А музыканты? Тоже неблагополучны?

– У меня к музыкантам особое отношение. На мой взгляд, они вечные труженики, им положено постоянно находиться в форме и хорошо выглядеть. К тому же большинство из тех профессиональных музыкантов, которых я знаю, семейные и

очень дорожат своими семьями, женами, детьми… Женщины-музыканты, как правило, хорошо готовят, умеют вязать, много работают и все успевают… А мужчины хоть и получают мало, но стараются, работают сразу в нескольких местах, дают уроки, концертируют, аккомпанируют, дирижируют хорами, преподают где только можно…

– Никогда бы не подумал, что можно вот так, двумя словами, охарактеризовать творческих людей…

– Марк, не принимай близко к сердцу. Я высказала тебе сейчас свои собственные мысли, скорее, даже наблюдения, ведь я же раньше постоянно вращалась среди людей искусства, мы много времени проводили вместе, засиживались в мастерских, говорили, приглашали к себе поэтов и музыкантов, организовывали выставки, концерты… По деревням ездили, встречи устраивали, нас, художников, писатели с собой брали, но чаще всего это заканчивалось грандиозными попойками… Не по мне все это. И вообще, я не стайный, не стадный человек. Я – сама по себе. Так что у тебя там случилось? Убийство?

– Рита! У нас же свадьба! Потом поговорим…

– Хорошо. Ты же знаешь, какая я любопытная…

– Смотри, Локотков… Он танцует с женщиной, которая кого-то мне напоминает… Я давно наблюдаю за этой парой, и что-то в этой женщине кажется мне странным… Кто она?

– Ты отлично ее знаешь.

– Фиолетовое платье… У тебя случайно такого не было?

– Было. Это и есть мое платье. А женщина, с которой танцует Локотков, твоя хорошая знакомая – Арина Затонская, журналистка…

– Арина? Не может быть… А как же ее знаменитые потертые джинсы и черный свитер? Как ей удалось так преобразиться? Смотри, даже волосы уложены, как у нормальной женщины… Была же мужик мужиком…

– Прическу ей в парикмахерской сделали, а вот макияж, одежда, туфли и манера держаться – моя работа. Я ее два часа вчера ходить учила. Чтобы она руками не размахивала, ноги вперед не выбрасывала, спину держала прямой и немного бедрами покачивала… А что, по-моему, неплохо получилось…

– И давно ты ее знаешь?

– Давно. А в чем, собственно, дело? Уж не хочешь ли ты сказать, что и ты знаком с ней так же близко?

– Что значит близко?

– Марк. У тебя с ней что-то было?

– У меня?! С Ариной?!!

– Ладно. Я пошутила. Ты же приревновал меня к Лене… Ты пробовал это заливное мясо? Так аппетитно выглядит… Ужасно есть хочется! Марк, ты посмотри только, что с народом делается? Все танцуют, смеются! Да наш тамада просто душка, отлично работает… Так что там у тебя произошло?

– В посадках неподалеку от Кумысной поляны обнаружен труп неизвестной девушки. Ее удушили. Понимаешь, с тех

пор, как я с тобой познакомился, я постоянно думаю о том, в каком опасном обществе мы живем…

– Марк, ну какой же ты чудак!

– Я переживаю за тебя… Никому не верь! Ни с кем никуда не ходи, если не уверена в человеке…

– Марк! Не будь ребенком!

– Труп еще не опознали. Девушке на вид лет двадцать. Очень красивая была при жизни. Блондинка, стройная… Кому понадобилось ее убивать? За что?

– Хороший вопрос. Заявления о пропаже девушек были?

– Нет. В городе пока все спокойно. Время смерти точно еще не установлено, но труп пролежал в лесу приблизительно три дня. Если девушка не местная, сложнее будет установить личность…

– Марк, какая же ответственная и тяжелая у тебя работа! Ты можешь обещать мне, теперь уже как своей жене, что дашь мне возможность немного поработать?.. Никто же ничего не узнает. Я буду потихоньку собирать информацию, как обычно…

– Рита, прекрати! Я ей тут о безопасности толкую, а она мне…

– У тебя что, телефон отключен? – догадалась она. – Что-то давно я не слышала звонков…

– Отключен. Если бы я этого не сделал, свадьба была бы сорвана.

– Да… праздник затянулся… не слишком ли много водки

на столах? Бедные мои художники, смотри, как они набрались…

К ним подошла Ната. В красивом синем, с блестками платье. Миша крепко держал ее за руку.

– Как дела, молодожены? – Ната поцеловала по очереди сначала Риту, потом зятя. – Ужасно за вас рада. Все только и говорят, что вы – идеальная пара. Я вот только не пойму, почему никто не кричит… – Она набрала побольше воздуха и крикнула: – Горько!!!

Все повернулись в их сторону, и Марк, смутившись, обнял Риту и поцеловал ее коротким, нежным поцелуем куда-то пониже губ, в подбородок.

– Мазила! – крикнул захмелевший Локотков, прижимая к себе Арину. Прическа у журналистки растрепалась, щеки раскраснелись, она показалась Рите даже хорошенькой. – Горько!

Гости уже начинали расходиться, когда Рите на глаза снова попался Масленников. Он сидел за столом в полном одиночестве и разглядывал танцующие пары. Марка поблизости не было, и Рита рискнула к нему подойти.

– Спасибо тебе, Леня, за шикарный подарок. Очень красивое кольцо. Как поживаешь? У тебя не очень-то веселый вид… Как Катя?

– Да все нормально. Знаешь, я так рад за тебя… У тебя

очень красивый муж. К тому же, как я понял, он – следователь прокуратуры. Это серьезно. Вот бы никогда не подумал, что ты когда-нибудь выйдешь замуж. Ты же у нас девушка с характером, тебе никто не нужен…

– Леня, ты никак не можешь простить мне тот отказ?

– Это ты должна меня простить… Я и сам не знаю, что на меня тогда нашло. Мне тогда было очень плохо, я просто болел одиночеством… Да и Кате нужна была мать. Я сразу почему-то подумал о тебе. Представил, как мы с тобой вместе живем, как вы с Катей подружились… Я, самонадеянный дурак, был просто уверен, что ты мне не откажешь…

– Но у нас же с тобой никогда и ничего не было! Откуда эта дикая идея?

– Не знаю. Это у тебя со мной ничего не было, а у меня с тобой мысленно, конечно, было все. Собственно говоря, мои чувства к тебе не изменились, я по-прежнему восхищаюсь тобой. И даже ревную…

– Смешной. Ты до сих пор один?

– Один. Те, кто мне нравится, *уже* замужем, а кому нравлюсь я – все не то… Девушки хотят выйти замуж за богатого дядю. А мне хочется любви, понимаешь?

– Как там портрет Кати? Он мне недавно приснился…

– Отлично. Как открываю глаза – он передо мной…

– Знаешь, эта одна из тех моих работ, с которой я рассталась с трудом. Я понимаю, это портрет твоей дочери, и он должен находиться у тебя, но я бы могла написать другой ее

портрет, а этот выкупить…

Она только подумала об этом и уж никак не собиралась произнести эту мысль вслух, однако произнесла. И ужаснулась нелепости сказанного.

– Рита!

– Все-все, извини, Леня, считай, что ты ничего не слышал…

Не могла же она ему объяснить, что ею движет острое желание во что бы то ни стало взглянуть на этот портрет еще раз, чтобы убедиться, что с ним все в порядке и на холсте – его дочка в лиловом, а не в черном платье. Уж слишком ярким был сон… Странно, что в реальность не перетекла та ненависть, которую она успела испытать по отношению к Масленникову, когда он во сне обманным путем женился на ней. Сон. Сны. Что это такое? И с какой стати Леня приснился ей? И этот портрет…

– Марк… Смотри, летит сюда… Мне кажется, твой муж сейчас разорвет меня на куски… Смотри, его глаза прямо-таки сверкают, как молнии… – Леня даже привстал со своего места, словно вполне допускал мысль, что Марк набросится на него с кулаками.

Однако Марк просто взял Риту за руку и потянул за собой. Без слов. Что тоже со стороны могло показаться удивительным. Понятное дело, она позволила себя увлечь подальше от стола, в тихое и укромное место, за кадку с пальмой, где Марк, вместо того, чтобы устроить очередную сцену рев-

ности, сказал ей растерянно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.